

№ 8 (2023)
август

2013

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александро-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению
Преподобнейшего Сергия, епископа Барнаульского и Алтайского

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Листья, солнце, трав колосья,
Капельки дождя,
Мягко, птиц разноголосье,
Солнце, дождик, я.

Свежесть, капли, брызги, листья,
Радуга, лучи.
Я танцую, дождь танцует
С нами поспеши!

Белки, лисы, зайцы, волки,
Дятлы и змея.
Пусть в лесу увидит каждый
Как танцую я!

Васильки опять закрылись,
Я бегу к воде.
Дождь идёт, уж все умылись,
Он идет везде.

Листья, солнце, трав колосья,
Капельки дождя,
Мягко, птиц разноголосье,
Солнце, дождик, я.

Настя Поганина

Фоторепортаж
из православного лагеря на стр.16

Т. Антонюк «Купола»

МЫ ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ ВСЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ на пространствах Святой Руси

ГРЕХ НИКОГДА НЕ УТВЕРЖДАЛСЯ ЗАКОНОМ ГОСУДАРСТВА

Воскресном Апостольском чтении (из Послания к Римлянам) мы находим удивительные слова: «Освободившись от греха, вы стали рабами праведности». «Какой же плод вы имели, когда были рабами греха?» — спрашивает апостол, и отвечает: «Такие дела, каких стесняетесь и ныне; плод же их был грех, а конец — смерть». «Когда же освободились от греха, — продолжает апостол, — и стали рабами Божиими, то плод ваш — святость, а конец — жизнь вечная».

Глубоко убежден: эти слова должен знать каждый современный человек, потому что ни одно слово не употребляется так часто в общении между людьми, в провозглашении тех или иных политических позиций, как слово «свобода». Мы знаем, что за свободу люди боролись и погибали. Но вот что удивительно: если проанализировать все эти грандиозные битвы за свободу и вспомнить, что бывало после, то можем ли мы сказать, что эти человеческие жертвы действительно приносили людям свободу?

Не буду приводить много примеров битв во имя свободы, которые оборачивались тиранией, гибелью людей, лишением свободы, развращением нравов. Достаточно вспомнить только два события. Во-первых, Французская революция, вслед за которой пришел террор, а затем Наполеон, который уничтожил сотни тысяч людей, стремясь распространить свое господство над всей Европой. Ну, а в нашей истории начало XX века также было отмечено неудержимой борьбой людей за свободу, которая обернулась террором, диктатурой, гибелью миллионов людей.

Почему же так происходит? Почему даже жертвы людей во имя свободы не останавливают последующие поколения от ошибок, от греха, от безумия, от крови? Да именно потому, что в сознании людей спутались два величайших понятия, каждое из которых имеет ценность, но которые необходимо различать.

Человек должен иметь свободу выбора. Наверное, за эту свободу выбора и боролись люди, чтобы никакие внешние обстоятельства, никакая тирания, никакое господство богатых над бедными, одних сословий над

другими не мешали людям выбирать то, что они желают выбрать.

Но сам по себе выбор — это механизм. Обеспечить им необходимо, но главным остается вопрос: а что человек выбирает в результате свободы? И вот в сегодняшнем отрывке из Послания к Римлянам, который мы зачитали во время Литургии, апостол Павел и говорит нам, что самое главное — это то, к чему ведет свобода. Если человек в результате обретения свободы становится рабом греха, то его конец — смерть. Но если он, обретя свободу, принимает Бога и становится рабом Божиим, то тогда плод — святость, а конец — жизнь вечная.

Как замечательно иллюстрирует эту Божественную истину, переданную апостолом, вся человеческая история! Там, где после обретения свободы избирается грех, там смерть, там террор, там диктатура, вне зависимости от того, как эта диктатура оформляется, — диктатура личности, партии, группы, диктатура финансовой мощи... А там, где диктатура, там, где человек лишается свободы, его очень легко направить в любую сторону, в том числе к совершению греха; а где грех, там смерть.

Может быть, не для всех понятно это выражение апостола Павла — «где грех, там смерть», ведь каждый знает, что согрешая, он тут же не умирает; а иногда люди грешные, кощунники, крайне враждебно относящиеся к религии, ненавидящие Бога и Церковь, живут, и гром с неба не поражает их, за редчайшим исключением... Нужно понимать, что имеет в виду апостол Павел, когда говорит о смерти. Речь идет о духовной смерти человеческой личности. Там, где грех, там смерть духа, там человек превращается в животное, там он лишается свободы выбора, потому что полностью управляем своими инстинктами, своими влечениями, своим грехом. И как просто управлять таким человеком!

Дайте ему где-нибудь больше возможностей удовлетворять свои инстинкты и грешить, и он пойдет туда, он отвернется от всего, что еще вчера было для него важным, святым, заветным, с чем связывались идеалы его родителей, его предков. Он пойдет в то стойло, где сытно кормят и где он может жить по закону инстинкта. Это и есть смерть, потому что человек умирает как свободная личность, его разум перестает управлять чувствами и соединяется с чувственным началом настолько, что работает на утверждение именно такого, а не иного образа жизни.

История дает нам множество примеров этой духовной смерти. На уровне личности это, может быть, не

так заметно. Но когда грех в результате свободного выбора человека накапливается в масштабах общества, народа или государства, тогда он становится зримым, видимым. У такого общества, у такого государства нет будущего — история вновь и вновь показывает, как нравственное растление, помрачение сознания, смешение добра и зла делало человеческое общество нежизнеспособным.

Мы живем в то время, когда колоссальные силы направлены на то, чтобы убедить всех нас в том, что единственной ценностью является свобода выбора и никто не имеет права посягать на эту ценность, даже когда человек выбирает зло, даже когда человек выбирает социально опасное поведение, — если только не нарушаются нормы гражданского закона. Но мы знаем, как легко обойти все эти нормы. Мы знаем, что никакой, даже самый совер-

шенный закон не может искоренить преступности, коррупции, зла, лжи, конфронтации, — их может искоренить только человек, сделавший свободный выбор в пользу добра.

В последнее время мы сталкиваемся с огромными искушениями, когда в ряде стран выбор в пользу греха утверждается и оправдывается законом, а те, кто, поступая по совести, борются с такими навязанными меньшинством законами, подвергаются репрессиям. Это очень опасный апокалиптический симптом, и мы должны делать все для того, чтобы на просторах Святой Руси грех никогда не утверждался законом государства, потому что это означает, что народ вступает на путь самоуничтожения.

21 июля 2013 г.
Патриархия.ru

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

Рне богослужения Патриарх обычно одет в черную рясу и белый куколь на голове.

Куколь, или кукуль, — латинское слово, означает оно «капюшон». Такие островерхние шапочки, иногда доходящие до плеч или пришитые к плащу, были повсеместно распространены в Римской империи. Куколи именно такой формы носили первые египетские монахи. Поскольку похожие шапочки надевали и на младенцев, то они напоминали монахам о детском незлобии и простоте, которым надо подражать.

Куколь Патриарха белого цвета, он сохранил древнюю форму сферического колпака, обтянутого наметкой — белой тканью, ниспадающей на спину и плечи.

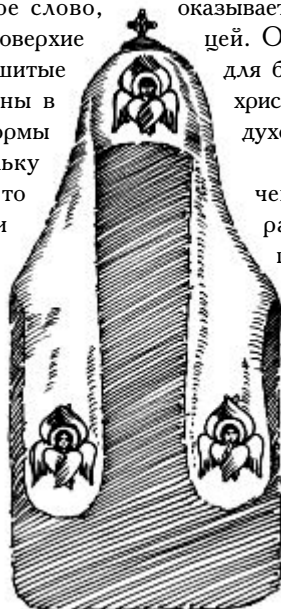
На вершине патриаршего клобука (на маковце) поставляется крест, лобная сторона клобука украшается иконами, в концах кукуля золотым шитьем изображаются херувимы или серафимы. В настоящее время клобук Московского Патриарха на лобной стороне и в концах кукуля имеет образы шестикрылых Серафимов, во всем остальном он подобен клобукам древних русских Патриархов. Белый цвет митрополичьих и патриарших клобуков означает особенную чистоту помыслов и просвещенность Божественным светом, что соответствует высшим степеням церковной иерархии, которые призваны отображать и высшие степени духовного состояния. В связи с этим клобук Патриарха с образами Серафимов указывает на то, что Патриарх как предстоятель всей Русской Церкви и молитвенник за нее уподобляется ближайшим к Богу высшим ангельским чинам. Форма патриаршего клобука, напоминающего купол храма с крестом наверху, также вполне соответствует положению Патриарха, как главы поместной Церкви.

Куколь с наметкой, которая двумя нижними концами охватывает шею спереди, а третьим спускается на спину, оказывается очень похож на воинский шлем с бармицей. Образ монаха-воина, облаченного в доспехи для битвы, соответствует исконному пониманию христианского монашеского подвига как внутренней духовной борьбы с силами зла.

С достоверностью неизвестно, когда и почему покрывало монашеских клобуков стало разделяться на три конца. Русские монахи приняли такую форму кукуля от греческих клобуков во второй половине XVIII века. В Греческой Церкви в древности эти три конца «наметки», вероятней всего, образовались в связи с обычаем монахов завязывать концы покрывала под подбородком в холодную погоду, во время ветра, в дороге, а также в храме на молитве, чтобы при снятии головного убора, когда это требуется по Уставу, он, не обременяя рук, оставался висеть на спине. Клобук с кукулем, который двумя нижними концами охватывает шею спереди, а третьими спускается на спину, оказывается очень похож на древний воинский шлем с кольчугой, что делает монашеский головной убор еще более соответствующим словам апостола Павла о «шлеме спасения». В наше время три конца наметки приобрели в основном зна-

чение символа Троицеской благодати, покрывающей главу (то есть помыслы) монаха. А образы серафимов — ангелов, стоящих ближе всего к Богу, — показывают верховное положение Патриарха в нашей Церкви. Может быть, поэтому появилось выражение: «Патриарх — ангел Церкви».

По страницам
«Настольной книги священнослужителя»

КУКОЛЬ — ГОЛОВНОЙ УБОР ПАТРИАРХА

ЛЕСТВИЦА ДУХОВНАЯ

Преподобный Никодим Святогорецъ

НЕ ПОЛАГАТЬСЯ НА САМИХ СЕБЯ

Никогда ни в чем не должно верить себе самим и надеяться на самих себя.

Не полагаться на самих себя, столь необходимо в нашей брани, что без сего, не только не можешь одержать желаемой победы, не устоишь даже в самом незначительном нападении на тебя врага. Запечатлей это поглубже в уме своем и сердце.

Со времени преступления прародителя нашего бы, несмотря на расслабление своих духовно-нравственных сил, обыкновенно думаем о себе очень высоко. Каждодневный опыт удостоверяет нас в лживости такого о себе мнения, мы в непонятном самопрельщении не перестаем верить, что мы нечто, и нечто немаловажное. Эта, однако ж, духовная немощь наша, весьма трудно притом замечаемая и сознаваемая, паче всего в нас противна Богу, как первое исчадие нашей самости и самолюбия и источник, корень и причина всех страстей и всех наших падений и непотребств. Она затворяет ту дверь в уме или духе, чрез которую одну обыкновенно входит в нас благодать Божия, не давая благодати сей войти внутрь и возобитать в человеке. Ибо как может благодать для просвещения и помощи войти в того человека, который думает о себе, что он есть нечто великое, что сам все знает и не нуждается ни в чьей сторонней помощи?

Бог ничего так не любит и так не желает видеть в нас, как искреннее сознание своей ничтожности и полное убеждение и чувство, что всякое в нас добро, в нашем естестве и в нашей жизни, происходит от Него единого как Источника всякого блага и что от нас не может произойти ничего истинно доброго; ни помысл добрый, ни доброе дело. Почему Сам же Он и печется промыслительно насадить этот небесный росток в сердцах возлюбленных друзей Своих, возбуждая в них неценение себя и утверждая ненадеяние на себя, иногда чрез благодатное воздействие и внутреннее озарение, иногда внешними ударами и скорбями, иногда нечаянными и почти непреодолимыми искушениями, а иногда и другими способами, для нас не всегда понятными.

При всем том, однако ж, хотя это нечаяние от себя ничего доброго и ненадеяние на себя есть Божие в нас дело, мы и с своей стороны должны де-

лать всякие усилия для стяжания такого расположения, делать все, что можем и что в нашей власти. И я, намечаю четыре делания, в силу которых с Божиею помощью можете улучшить неверие себе, или то, чтоб никогда ни в чем на себя не надеяться.

Познай свое ничтожество и постоянно содержи в мысли, что ты сам собою не можешь делать никакого добра, за которое оказался бы достойным Царствия Небесного. Слушай, что говорят богомудрые отцы: Петр Дамаскин уверяет, что «ничего нет лучше, как познать свою немощность и неведение, и ничего нет хуже, как не сознавать этого» (греч. «Добротолубие», с. 611). Св. Максим Исповедник учит, что «основание всякой добродетели есть познание человеческой немощности» (греч. «Добротолубие», с. 403). Св. Иоанн Златоуст утверждает, что «тот только и знает себя наилучшим образом, кто думает о себе, что он ничто».

Ищи помощи в сем у Бога в теплых и смиренных молитвах, ибо это Его есть дар. И если ты желаешь получить его, то тебе надлежит прежде водворить в себе убеждение, что ты не только не имеешь такого о себе сознания, но что и стяжать его совсем не можешь сам собой; затем, дерзновенно предстоя пред величием Бога и твердо веруя, что по безмерному Своему благоутробию Он дарует тебе такое себя познание.

Привыкай всегда опасаться за себя и бояться бесчисленных врагов своих, которым не можешь ты противостоять и малое время, боясь долгого их навыка вести с нами брань, их вселукавства и засад, их преображения в ангелов света, их бесчисленных козней и сетей, которые тайно расставляют они на пути твоей добродетельной жизни.

Если впадешь в какое-либо прегрешение, как можно живее обращай к узрению немощности своей и сознанию ее. На тот случай Бог и попустил тебя пасть, чтобы ты лучше познал слабость свою и таким образом не только сам научился презирать самого себя, но возжелал быть презираемым и от других по причине толикой слабости своей. Без такого желанья невозможно возродиться в тебе и укорениться благодетельному неверию себе, в котором основание и начало истинного смирения.

Из сего всякий видит, сколь необходимо для желающего стать причастником Света Небесного познать самого себя и как к такому познанию благодать Божия гордых и самонадеянных обычно приводит посредством их падений, праведно попуская им впасть в то самое прегрешение, от которого предохранить себя они сами себя считают довольно сильными, да познают немощность свою и да не дерзают более полагаться на себя как в этом, так и во всем другом.

Однако ж это средство, хотя и очень действенное, но и не безопасное, Бог не всегда употребляет, но когда уже все другие средства, более легкие и свободные, о которых мы помянули, не приводят человека к самопознанию. Тогда уже наконец попускает Он человеку падать в грехи, большие или малые, судя по великости или малости его гордости. Посему, когда случится тебе пасть, спешно беги помыслами к смиренному самопознанию и уничиженному о себе мнению и чувству и докучательною молитвою взъищи у Бога дарования тебе истинного света для познания ничтожности своей.

Не только когда кто впадет в какой-либо грех, но и когда подпадает какому несчастью, бедствию и скорби, особенно телесной болезни, нелегкой и долговременной, должно ему разуметь, что сие страждет он, чтоб пришел в самопознание, а именно в сознание своей немощности, и смирился. На этот случай и для этой цели попускается Богом, чтоб находили на нас всякого рода искушения от диавола, от людей и от поврежденного естества нашего.

Кто хочет познать немощность свою из самой действительной своей жизни, тот пусть, не говорю много дней, но хоть один день, понаблюдает свои помыслы, слова и дела — о чем думал, что говорил и делал. Несомненно, найдет он, что большая часть его помыслов, слов и дел были погрешительны, неправы, неразумны и худы. Такой опыт впечатлительно даст ему понять, сколь он нестроен в себе и немощен; а от такого понятия, если он искренно желает себе добра, дойдет до восчувствования, сколь нелепо ожидать какого-либо добра от себя одного и надеяться на себя.

По страницам книги
«Невидимая брань»

«ПУСТЬ ПОГИБНЕТ ИМЯ МОЕ В ИСТОРИИ, ЛИШЬ БЫ ЦЕРКВИ БЫЛА ПОЛЬЗА»

2 сентября исполнилось 70 лет со дня интронизации
12-го Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского)

Святейшей Патриарх Сергий, в миру Иван Николаевич Страгородский, родился 11 (24) января 1867 года в городе Арзамасе Нижегородской губернии.

Род Страгородских издревле принадлежал к духовному сословию. Мать будущего Патриарха умерла в молодости, вскоре после рождения сына, и мальчик рос сиротой. Глубокое и истовое церковное воспитание дали ему дед и отец, которые были протоиереями в Арзамасе.

Самые ранние воспоминания отрока связаны с Алексеевским женским монастырем, где его тетка — мать

Евгения — была монахиней, а потом игуменией. На восьмом году мальчика отдали в приходское училище. По окончании его в августе 1880 года Иван Страгородский поступил в Нижегородскую духовную семинарию.

В августе 1886 года Страгородский поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию на историческое отделение. На последнем курсе Академии 30 января 1890 года он принял пострижение в монашество с именем Сергия (Валаамского), а вскоре был рукоположен в иеромонаха.

Кандидатскую диссертацию «Православное учение о вере и добрых делах» он писал под руководством профессора А.Л. Катанского, и в 1880 году закончил Академию первым из 47 кандидатов-магистрантов.

13 июня 1890 года иеромонах Сергий, который подал прошение ректору Академии направить его на службу в Японскую Православную Миссию, был назначен в Японию членом этой миссии. В Японии он служил под началом епископа Николая (Касаткина) — будущего святого равноапостольного Николая Японского. Исключительные лингвистические способности молодого миссионера (он превосходно знал греческий, латинский, еврейский и новые европейские языки) позволили ему за несколько месяцев овладеть японским. С осени 1891 года он уже преподавал догматическое богословие в семинарии на родном для учащихся языке.

В 1893 году иеромонах Сергий был вызван в Петербург и назначен на должность доцента Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре Священного Писания Ветхого Завета, в 1894 году — инспектором Московской духовной академии и в том же году — настоятелем русской посольской церкви в Афинах с возведением в сан архимандрита. В 1899 году он был назначен инспектором Санкт-Петербургской Духовной Академии с предоставлением ему кафедры истории и обличения западных исповеданий.

25 февраля 1901 года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры состоялась его хиротония во епископа Ямбургского. При своем наречении во епископа архимандрит Сергий произнес речь, замечательную по провидческой глубине мысли: «Внешняя обстановка епископского служения, — сказал он, — может быть весьма разнообразна. Епископы могут быть в почете и богатстве, могут пользоваться обширными гражданскими правами и преимуществами, но могут быть и в полном бесправии, нищете и даже в гонении. Все это зависит от причин случайных и внешних, от государственного положения христианства, от народных и общественных обычаев... С

Святейший патриарх Сергий, без сомнения, необычайное явление не только в истории Церкви Российской, но и вообще в истории Отечества нашего. Ему пришлось нести на себе крест не менее тяжелый, чем святителю Тихону, ведь эпоху, в которой довелось возглавлять русскую церковь патриарху Сергию можно охарактеризовать просто: «Быть или не быть Церкви?»

Личность двенадцатого патриарха и отношения с советской властью и сегодня вызывают споры. Одни считают, что его компромиссы спасли Церковь от полного уничтожения. Другие обвиняют его в том, что в сотрудничестве с властями он зашел недопустимо далеко. Один из ответов дал Н. Бердяев в своей статье «Вопль Русской Церкви», оценивая деятельность святителя:

«Героическая непримиримость отдельного человека, готового идти под расстрел, прекрасна, полновесна и вызывает чувство нашего восхищения. Но там, в России, есть еще другой героизм, другая жертвенность, которые люди не так легко оценивают. Патриарх Тихон, митрополит Сергий — не отдельные, частные лица, которые могут думать только о себе. Перед ними всегда стоит не их личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе, о своей чистоте и красоте и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Ее принес Патриарх Тихон, ее приносит митрополит Сергий. Некогда эту жертву принес святой Александр Невский, когда ездил в Ханскую Орду.

Отдельный человек может предпочесть личное мученичество. Но не таково положение иерарха, возглавляющего Церковь, он должен идти на иное мученичество и принести иную жертву» .

изменением этих внешних причин может измениться и внешняя обстановка. Но само епископское служение в его сущности, в том настроении, какое требуется от епископа, всегда и всюду остается одним и тем же апостольским служением, совершается ли оно в великом Царьграде или в ничтожном Сасиме... Истинный пастырь постоянно, в ежедневном делании своем «душу свою полагает за овцы», отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать своей жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовного благополучия своего стада».

В том же 1901 году ему поручается ректорство в Санкт-Петербургской академии. Ученик будущего Святейшего Патриарха по Академии, архиепископ Фотий (Тапиро) вспоминал: «Каждый вечер после учения в академической церкви в присутствии Преосвященнейшего ректора владыки Сергия прочитывались молитвы на сон грядущий. После этого владыку окружала тесная семья студентов, и он долго и любовно беседовал с ними, назидая, научая, наставляя простыми и понятными словами, предупреждая юношей от увлечений и соблазнов столичного города, убеждая не сходить с церковного пути и беззаветно отдать себя на служение Церкви Православной и родному народу. Студенты ценили эти отеческие беседы своего ректора и платили нелицемерной преданностью и любовью».

Параллельно с административной деятельностью в Академии он ведет научную богословскую работу. Его магистерская диссертация на тему «Православное учение о спасении», в простой и ясной форме раскрывая ошибку западных исповеданий в учении о личном спасении человека, дает глубокое понимание того, как об этом учит Православная Церковь. Основная мысль этой замечательной работы — о тождестве добродетели и блаженства, нравственного совершенства и спасения. По мысли автора диссертации, верного святоотеческому учению, спасение начинается в земной жизни и состоит в изменении тварной природы, совершаемом Божественной благодатью, действующей в согласии с человеческой волей и приводящей к обожению тварного бытия.

Эта работа владыки Сергия была оценена по достоинству и отечественными богословами, и за границей. Она выдержала за пятнадцать лет пять изданий и несколько популярных переложений, что говорит об исключительном интересе в церковном обществе к этой книге.

Святейший Синод назначает его председателем целого ряда самых ответственных комиссий: по старокатолическому и англиканскому вопросам, по исправлению богослужебных книг, председателем отдела о церковном суде в предсоборном присутствии.

Во время русско-японской войны и начавшейся в ее разгар революции епископ Сергий говорил встревоженным студентам Академии: «Да, Российская империя может быть сметена надвигающимися событиями, но Церковь погибнуть не может».

В 1905 году церковные служители с тревогой ожидали выхода правительственного указа о веротерпимости. Понимал, что это принесет Церкви и владыка Сергий. Множество сект и вероучений хлынет на Русь с Запада, увлекая в свои сети нетвердых в вере людей. Однако на приближавшуюся брань он смотрел как на путь к победе, которую Святая Церковь непременно должна одержать. «Христиане первых веков, — говорил владыка в одном из своих обращений к пастве, — знали, что царство зла открыто и нагло восстанет на царство Божие и будет воевать на Церковь Христову, что многие не выдержат этого огненного искушения и погибнут в водовороте соблазна. Зная все это, христиане первых веков отнюдь не содрогались пред грядущими ужасами... Так же радостно и бодро, с такою же уверенностью в победе и с такою же готовностью принести Христу и Его Церкви все свои силы и способности должны ожидать и сыны Православной Русской Церкви грядущее на нее испытание. В дальнейшем потребуют от нас уже не красных фраз и не заученных

Архимандрит
Сергий (Страгородский)
1900-е годы

силлогизмов, не пестрого наряда показной учености, от нас потребуют духа и жизни, потребуют веры — настоящей православной учености, настоящего познания христианства, потребуют, чтобы мы писали не чернилами, да еще заимствованными, быть может, из чужих чернилниц, а кровью из нашей собственной груди...».

Последние слова владыки оказались пророческими.

6 октября 1905 года епископ Сергий был назначен на самостоятельную Финляндскую и Выборгскую кафедру с возведением в сан архиепископа. С 1905 года преосвященный Сергий почти непрерывно работает на сессиях Святейшего Синода, а в 1911 году был включен в его состав. Он руководил важными синодальными учреждениями: был председателем Особого совещания по вопросам внутренней и внешней миссии, председателем Совещания по исправлению церковно-богослужебных книг, с 1912 года назначен председателем Предсоборного совещания, с 1913 года — председателем Учебного комитета. После отречения императора Николая II архиепископ Сергий возглавил Синод нового состава и Предсоборный Совет. На Поместном Соборе 1917-1918 годов архиепископ Сергий избрали членом Священного Синода, а после интронизации Патриарха Указом Святейшего он был возведен в сан митрополита.

Преосвященнейший Сергий занимает последовательно архиерейские кафедры во Владимире на Клязьме, а потом в Нижнем Новгороде. В годы гражданской войны подвергается неоднократным арестам.

В 1918—1921 годах митрополит Сергий — один из ближайших сотрудников Святейшего Патриарха Тихона.

В 1922—1924 годы он на короткое время примкнул к обновленческому расколу, но в 1924 году после публичного покаяния в соборе Донского монастыря, митрополит Сергий был принят назад в лоно Русской Православной Церкви.

В 1925 году, вскоре после смерти Святейшего Патриарха Тихона, митрополит Сергей был назначен заместителем Патриаршего Местоблюстителя. С этих пор он по Промыслу Божию фактически возглавил Русскую Православную Церковь, приняв на свои руки заботу о ней в страшные годы гонений, в себе исполнил слова своего святого предшественника: «Умереть нынче немудрено. Нынче труднее научиться, как жить» и «Пусть погибнет имя мое в истории, лишь бы Церкви была польза». Но если сам митрополит Сергей был готов стоять за веру Христову до смерти, то не мог позволить себе хранитель Святой Церкви отправить на эшафот тех православных русских людей, кто остался верен Христу, обречь христианство на истребление по всей некогда Святой Руси.

Тогда и пошел он на диалог с безбожной властью, заявляя о церковной лояльности и гражданском непротивлении, сохранив при этом за Церковью право на сохранение вероучения и свободу внутренней жизни.

«В чекистском застенке, — пишет митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Иким), — митрополиту Сергию был предложен тот же дьявольский выбор, который стоял перед святителем Тихоном в 1923 году: или немедленный расстрел всего православного епископата, а также заключенного в лагерях духовенства, или выражение Предстоятелем Церкви лояльности к существующему режиму. Первая угроза означала не только мученическую кончину множества пастырей: полное уничтожение епископата — это разрыв апостольской преемственности, то есть смерть Русской Православной Церкви. И митрополит Сергей, как ранее святой Патриарх Тихон, выбрал второй путь — грех лживой лояльности не затрагивающий основ Святой Церкви Христовой».

Так появилось его Послание к пастырям и пастве от 29 июля 1927 года, известное как Декларация. В документе говорилось, что Церковь, храня верность Православию, разделяет радости, успехи и неудачи со своей гражданской родиной, тогда — Советским Союзом.

Архивы донесли до нас предварительный, запрещенный к публикации властями текст этого Послания, в котором владыка Сергей ясно выразил свою мысль: «Отнюдь не обещаясь примирить непримиримое и подкрасить нашу веру под коммунизм, мы религиозно остаемся такими, какие есть, — староцерковниками, или, как нас величают, тихоновцами. Прогресс церковный мы видим не в приспособляемости Церкви к «современным требованиям», не в урезке её идеала и не в изменении ее учения и канонов, а в том, чтобы при современных условиях церковной жизни и в современной обстановке суметь зажечь и поддержать в сердцах нашей паствы весь прежний огонь ревности о Боге... При всем том мы убеждены, что православный христианин, свято соблюдая свою веру и живя по её заповедям, именно потому и будет всюду желательным и образцовым гражданином какого угодно государства, в том числе и Советского».

Митрополит Сергей исполнил заповедь, отдав кесарю кесарево, а Божие — Богу (Мф. 22: 21). «...Ни веры святой мы не предаем, — писал он — ни от свободы церковной не отрекаемся...».

Что ощущал он, совершая шаг примирения с богочуждебской властью? «Мы с Вами подошли уже к той

черте, — писал он в те годы одному из епископов, — у которой все земные ценности и всякие земные счета теряют свою абсолютную значимость, и остается только одно: дать добрый ответ на судилище Христовом...».

Однако эмигрантские иерархи объявили митрополита Сергия еретиком, а всю распятую Русскую Православную Церковь — еретически-серианской. Русская Зарубежная Церковь надолго порвала свои отношения с Московской Патриархией. Лишь в настоящее время эти разногласия преодолены.

«В 1937 году Сталиным была объявлена «пятiletка атеизма», в результате которой страна должна была забыть само слово Бог, — Перед Русской Церковью разверзлась бездна, и какой леденящий ужас и одиночество испытывал при этом ее Предстоятель митрополит Сергей, заклавший за нее душу свою, — неужели тщетно? Но казавшееся бессмысленным, его служение примирения Русской Церкви пусть с безбожной, но государственной властью принесло неожиданный благодатный плод, — пишет митрополит Владимир (Иким). Война! Страшнейшая и кровопролитнейшая во всемирной истории, она явилась тем жгучим лекарством, коим Господь Промыслитель врачевал омертвевшую душу народа-богоносца, и тем грозным средством, что понудило безбожную власть дать спасительный глоток воздуха уже задыхавшейся Русской Церкви. Союз Церкви и сталинского режима, немислимый в любых других условиях, становился законным и необходимым в войне против гитлеровского нашествия — в борьбе за существование самого русского народа Божия».

22 июня 1941 года, в День Всех Святых, в Земле Российской просиявших, через два часа после выступления по радио наркома иностранных дел В.М. Молотова о нападении Германии на Советский Союз и за две недели до обращения И.В. Сталина к советскому народу митрополит Сергей призвал верующих, собравшихся в Богоявленском кафедральном соборе Москвы, весь народ дать отпор агрессору.

В тот же день митрополит Сергей стал рассылать Послание «Пастырям и пасомым Христианской Православной Церкви» по всем приходам Русской Православной Церкви. В Послании говорилось: «Последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе... Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания... Отечество защищает оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может... Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует Победу!»

Потрясающий документ! То, о чем лишь впоследствии сначала робко, затем более решительно будет заявлять советская пропаганда, Патриарший Местоблюститель написал в первые часы войны. Церковь уже определила лицо врага, указала на истоки грядущей победы, на перерастание народной войны в священную. Песня «Идет война народная, священная война...» прозвучит на улицах Москвы через несколько дней.

Слова, обращенные к «братям и сестрам», о нашем «правом деле», о «великих предках», которые должны были вдохновить стоящих насмерть русских воинов, — неслыханно, абсолютно новые в устах коммунистического руководителя! — повторит 3 июля 1941 года в своем выступлении по радио Председатель Комитета Обороны И.В. Сталин.

В осадные октябрьские дни 1941 года, когда до Москвы, до Кремля фашистам оставалось едва ли полсотни километров, митрополит Сергей вновь обращается к московской пастве: «Не в первый раз русский народ переживает иноплеменных, не в первый раз ему принимать и огненное крещение для спасения родной земли!. Силен враг, но и Велик Бог земли русской — так воскликнул Мамай на Куликовом поле, разгромленный русским воинством. Господь даст, придется повторить этот возглас теперешнему нашему врагу».

7 ноября 1941 года войска прямо с парада уходили на фронт. Верховный главнокомандующий — теперь уже с трибуны мавзолея — обратился к воинам и говорил о вещах, далеко отстоявших от идеологии того времени: пусть вдохновляет вас образ великих предков... Сталин называл имена святого благоверного князя Александра Невского, святого благоверного князя Дмитрия Донского, имена Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова... Вот кто должен был вдохновлять бойцов Красной Армии! Это был последний резерв у Верховного главнокомандующего. В тот момент иных резервов под Москвой не было...

А в 1942 году, несмотря на военное положение, на комедантский час, в Москве было разрешено празднование Пасхи. Впервые за много лет на празднование Воскресения Христова в Богоявленский собор стянулись тысячи людей...

4 сентября 1943 года Патриаршего Местоблюстителя перевезли из его скромных покоев в Баумановском переулке, которые он занимал в продолжение 15 лет, в роскошный особняк в Чистом переулке — бывшую резиденцию германского посла графа Шуленбурга. Митрополиту Сергию объявили, что вечером ему предстоит визит в Кремль...

Сталин и Молотов приняли тогда трех иерархов

Русской Православной Церкви — митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского), митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского) и экзарха Украины, митрополита Киевского и Галицкого Николая (Ярушевича).

Сталин стал расспрашивать о нуждах Церкви. Митрополит Сергей спокойно указал на необходимость широкого открытия храмов, выборов Патриарха, которого со дня смерти Первоиерарха Тихона в СССР не было 18 лет,

открытию духовных учебных заведений, поскольку у Церкви не хватает кадров священнослужителей.

«Сталин поинтересовался: «Что это у вас так плохо с кадрами»? То была лукавая провокация. Кадры Церкви — десятки архиереев и тысячи священников — в это время томились в тюрьмах, лагерях, ссылках. Но стоило Предстоятелю Церкви заикнуться об этом — и тиран немедленно отдал бы приказ расстрелять их всех, — пишет митрополит Владимир (Иким). — Многогрешный старик-митрополит, сохранивший всю остроту ума, отвечал на сталинскую провокацию льстивой шуткой: «Что делать, если из наших семинаристов получают генеральные секретари?». И вместо кровавой расправы польщенный «генсек из семинаристов» даровал свободу

служителям Церкви! То было великое чудо Господне: митрополит Сергей сумел затронуть какую-то сокрытую струну даже в «металлической» душе генсека. Сталин уже никогда больше не являлся врагом Православной Церкви. (Среди наших прихожан бытует упорное предание о том, что незадолго до смерти Сталин велел пригласить к себе «мракобеса» — исповедавший и причастивший его молодой священник в тот же час стал совершенно седым.). Десятилетняя передышка, полученная Церковью в условиях режима, основу и сущность которого составляло богоборчество, поистине поразительна. Именно благодаря этому смотрению Промысла Божия успела Русская Церковь окрепнуть и вынести новую волну гонений, воздвигнутых Хрущевым...».

... Беседа Сталина и Молотова с тремя иерархами затянулась до 3 часов ночи. В заключение разговора Сталин предложил Молотову составить проект коммюнике для радио и газет. В обсуждении его текста участвовали Сталин, митрополиты Сергей и Алексей. Текст был опубликован на следующий день в «Известиях».

Сталин проводил гостей до дверей своего кабинета, а митрополита Сергия, взяв «под руку, осторожно, как настоящий иподиакон, свел по лестнице вниз и сказал на прощание: «Владыко! Это всё, что я могу в настоящее время сделать для вас!».

Митрополит Сергей и
Святейший Патриарх Тихон
1918 год

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви — первый после 1918 года — состоялся через четыре дня после встречи в Кремле. Собор открылся 8 сентября, в день Сретения Владимирской иконы Божией Матери, особо почитавшейся митрополитом Сергием, в новом здании Патриархии в Чистом переулке. В нем участвовало 19 архиереев — все, кто в это время находился на кафедрах на неоккупированных территориях. Большинство участников Собора составляли исповедники, таившие под святительскими облачениями тела, изъеденные лагерными вшами, цингой и чахоткой. Собор единодушно избрал митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси. Интронизация новоизбранного Патриарха состоялась в Богоявленском Патриаршем соборе 12 сентября, в день памяти святого князя Александра Невского, небесного покровителя Русской Земли.

8 октября 1943 года был образован Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнарком СССР под председательством Георгия Карпова. Новая политика советского государства по отношению к Церкви не предполагала равенства сторон и взаимных обязательств. Никакого договора между Церковью и государством, который определял бы новое положение вещей, не было. Был широкий жест «милости» безбожной власти к прежде гонимой ею Церкви. За всем этим стоял трезвый политический расчет. И все же...

После встречи митрополита Сергия со Сталиным Церковь получила возможность назначать епископов на вакантные кафедры, открывать новые приходы, возобновлять духовное образование и церковную печать. На фотографиях этого периода Патриарх Сергий — убежденный сединами старец с закаленным духом и волей, с какой-то особой силой во взгляде, мудро и уверенно ведущий церковный корабль сквозь житейские бури XX века.

Он не дождался Победы, которую приближал всеми своими силами. Святейший Патриарх Сергий скончался 15 мая 1944 года. Врач определил смерть от кровоизлияния в мозг.

Погребение Святейшего состоялось 18 мая 1944 года в Никольском приделе Богоявленского кафедрального собора. На отпевание Первосвятителя к собору стеклись многотысячные толпы православного народа. Храм был заполнен до отказа, народ запрудил все пространство, примыкающее к собору. «Для него дорога была Правда Церковная, — сказал на отпевании Святейшего настоятель собора протоиерей Николай Колчицкий, — он жил только ради Церкви, ради ее благ».

Вот, что писал о Патриархе Сергии великий русский святой — архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий): «Людя высокопоставленным часто свойственна величавость, сознание собственного достоинства и превосходства, неровность в обращении с людьми. Ни тени этих отрица-

тельных свойств никто не видел в почившем великом Святителе, всегда сознававшем себя рабом Божиим и потому полным смирения. Знаем мы, что такие светлые и благие свойства духа приобретаются только великими подвигами служения Богу и неустанной, ставшей потребностью, молитвой. Верным и великим служителем Богу и славою Церкви Христовой был в Бозе почивший Патриарх на протяжении всей своей долгой жизни и усердно черпал благодать Божию в долгих и частых молитвах, богослужениях и таинствах. При таких светлых нравственных качествах Святейший блистал исключительно большим и ясным умом, просвещенным глубокой богословской ученостью. Незабываемы его полные глубины мысли знания канонов и истории Церкви, обширные ответы его противникам, оспаривавшим его права на местоблюстительство престола Патриаршего. О нем уже на соборе 1918 года говорили, что он видит на аршин под землей».

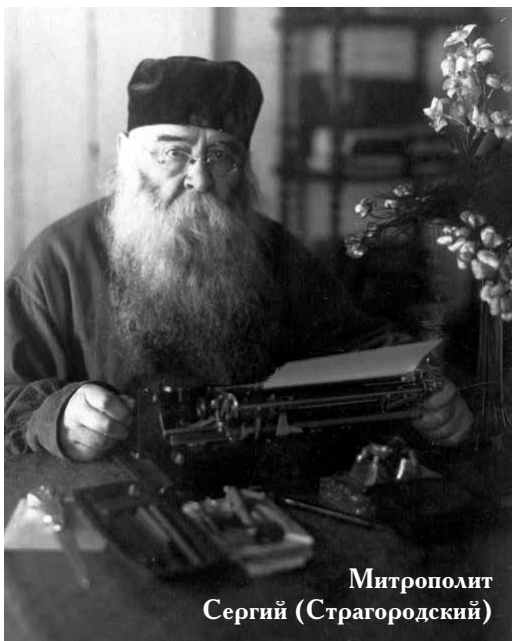
А вот отзыв известного богослова, историка Церкви Владимира Николаевича Лосского (Франция): «До конца времен Церковь сохранит память великого святителя, наряду с другими именами, которые знает каждый христианин. Когда умер Василий Великий, его друг и сотрудник святитель Григорий Богослов мог сказать: «Все было велико в тебе, великий Василий, одно лишь было мало: всего только 8 лет ты был епископом Кесарии». То же можно сказать о почившем возглавителе Русской Церкви. Все было велико

в жизни великого Сергия, который всего лишь несколько последних месяцев своего епископского служения носил сан Патриарха Московского и всея Руси. Но как Патриарший Местоблюститель он почти 18 лет управлял Русской Церковью. Старый мир, мир византийских традиций, восходивших к Константину Великому, тот мир, который казался многим миром самого христианства, внезапно распался до основания, и на его месте возникал новый мир, вне христианства, но не вне Божией воли, определяющей исторические судьбы. Чтобы руководить церковной жизнью в столь исключительных условиях, в Москве — столице нового государства, в центре строящегося нового мира, надо было обладать непоколебимой верой в богоустановленность Церкви».

В 1948 году над могилой Святейшего Патриарха Сергия было воздвигнуто белораморное надгробие, увенчанное православным крестом — последняя, покаянная работа известного зодчего академика Алексея Щусева. До октябряского переворота по проектам этого архитектора строились храмы, а после — мавзолей Ленина...

В церковной и гражданской истории России среди исповедников Христовых имена святителя Тихона и Святейшего Патриарха Сергия навсегда стоят рядом.

Николай Головкин
Фонд стратегической культуры

**Митрополит
Сергий (Страгородский)**

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «СКОРБЯЩАЯ»

Предыдущий приезд на Святую Землю, нам показали в Храме Гроба Господня придел св. Жен-мироносиц. Там три иконы. Справа от центральной — образ Скорбящей Божией Матери. Сохранилось только верхняя часть изображения — лик Богородицы. Глаза ее опущены и скрыты под веками. Письмо очень темное, едва различимое. В течении долгого времени икону посещали редко, лишь иногда арабы-христиане заходили сюда и ставили свечи. Благодатное событие произошло с этой иконой в 1986 году за неделю до Пасхи. Один полицейский, араб-мусульманин, совершал обычный обход огромного храма. Заглянул он и в этот придел, после чего испуганный прибежал к алтарю греческого храма Воскресения, где в это время совершалось богослужение. Полицейский начал взволнованно объяснять священникам и монахам, что все вокруг образа Богородицы сияет, а сама икона выглядит как живая, открывает глаза и плачет. И действительно, лик у иконы обновился. С тех пор многие видели ее открывающей глаза, а некоторые и плачущей.

Вот эту икону и этот крохотный придел, который легко не заметить и пройти мимо, если не знать о нем, я пришел навестить и в этот раз. Несмотря на общее снижение числа паломников из-за войны в Ливане, в приделе перед иконой стояли несколько женщин уже немолодого возраста, русские, очень просто одетые, и молились. В тот момент, когда я вошел в помещение, они начали петь «Царице моя преблагая...», часть из них встала на колени; пели они нестройно, не соблюдая ни ритма, ни нот, просто, как могли. И мне захотелось помочь им выдержать мелодию этой молитвы и вобщем поучаствовать. Я начал петь вместе с ними, стараясь, чтобы это было мелодично и правильно, но буквально через две-три фразы я вдруг почувствовал какой-то диссонанс, не внешний, не музыкальный, а внутренний, я вдруг увидел и услышал не песню и мелодию, и даже не молитву словесную, которую пытался изобразить, я осознал, что женщины эти не поют молитву, они выплакивают ее, слова молитвы для них и некая мелодия была только подходящей формой для их плача пред Божией Матерью. Я

замолчал, понимая, что пение мое здесь лишнее и только изумлялся, глядя на этих русских женщин, явно с непростой судьбой, и страшился, внутренне чувствуя, что рядом с такой искренностью, с такой горечью и с такой отчаянной открытостью и доверием, недалеко Господь и Его Пресвятая Матерь. А после слов «яко не имамы иные помощи разве Тебе...», эта молитва-плач практически перешла в еле сдерживаемые рыдания, так, что даже мое каменное сердце не выдержало, не выдержало и заплакало, от этой правды, от такого чистого, искреннего и раскаянного исповедания этих женщин, родных русских баб принесших свой плач, свое раскаяние и исповедь, как драгоценное миро ко Гробу Господню.

На следующее утро меня попросил показать, где находится этот придел один молодой грек из нашей группы, — Николас. Я рассказал, как мог об этой иконе, и он загоревшись, пошел со мной. Снова в приделе, как и вчера, мы встречаем небольшую группу женщин, читающих акафист. Это гречанки. Николас тихонечко расспрашивает их откуда они и что им известно об иконе, потом подходит ко мне и говорит, что эти женщины с Кипра и они сказали ему, что у иконы открываются и закрываются глаза, как у живой и спрашивают, видел ли я это, пытаюсь ему объяснить, что мне даже и подходить близко страшно, а уж разглядывать... Тем временем, акафист заканчивается, женщины кланяются, а потом одна из них достает портативный и очень мощный галогеновый фонарь, и начинает в упор светить на икону, все собираются рядом и рассматривают. Николас также подходит и смотрит, потом возвращается с круглыми глазами и начинает мне шептать, что может это галлюцинации, но точно ведь, икона открывает и закрывает глаза и неужели мне не интересно на это посмотреть?!

Нет, радость моя, что и было если мне интересно и полезно увидеть, так это я увидел, в том числе и то, кто с чем приходит и что приносит с собой...

Иван Роса.
Тюмень.

Гтарый друг приехал ко мне в гости. На дачу, на выходные. Дело было зимой, и морозы для Москвы стояли какие-то запредельные — градусы сорок. Тем не менее, несмотря на мороз, обоим нам в понедельник кровь из носу надо было в город на работу.

Я поставил будильник на пораньше и встал затемно. Не умываясь и не завтракая, надел теплые штаны, свитер, тулуп, валенки, шапку, рукавицы и вышел во двор заводить машину. Потому что Бог знает сколько времени надо старенькой машине, чтобы прогреться на сорокаградусном-то морозе. Дверь примерзла — еле оторвал. Замок зажигания примерз — еле провернул.

И уже по первым натужным поворотам стартера стало ясно на слух, что не заведется старый драндулет ни за что. А холодно в промерзшей машине было так, что хоть плачь. Тем не менее, я не сдавался. Раз за разом позволяя аккумулятору собраться с силами и снова крутил стартер. И с каждым разом надежды становилось все меньше. Крутилось все медленнее и все натужнее.

И вот к моменту последнего уже издыхания аккумулятораной батареи, когда стартер уже еле проворачивался последние разы, из дома вышел мой товарищ. Довольный, бодрый, телосложение Портоса, голый по пояс — вышел умыться снегом. Он увидел меня, скрю-

ченного в машине, услышал натужные звуки стартера и... широким, неспешным крестным знаменем осенил мою колымагу. Тут машина вдруг завелась.

«Вот что крест-то животворящий делает!» — засмеялся приятель и принялся умываться снегом.

А я вылез из машины, тоже смеясь. Мы пошли завтракать и смеялись за завтраком. А потом смеялись всю дорогу до города.

Я, собственно, про этот смех.

С нами ведь случилось вполне наглядное чудо. Теоретически мы должны были бы пасть на лица свои и вознести хвалу Господу. Но мы предпочли гоготать, как бы принижая чудо, профанируя его, переводя в шутку.

Ну, потому что Бог ведь — не автослесарь. Как-то я значительно серьезней отношусь к Богу, чем нужно, чтобы полагать, будто Всевышнему делать нечего, как только заводить на морозе мой автомобиль. Приятель мой и крестил-то машину в шутку, и

про крест-то животворящий говорил в шутку, и вообще всё это была шутка. Потому что иначе не вера получится, а какая-то мелочная магия, набор суеверий, полезных в быту.

Но где-то же должен быть у этой моей несерьезности предел?

Валерий Панюшкин, журналист

Священник Сергей Круглов, клирик Спасского собора города Минусинска Красноярского края:

Грань, думаю, там же, где грань всего важного — добра и зла, красоты Мадонны и красоты содомской, света и погребной тьмы — в сердце человека...

Под «чудом» часто подразумевают что-то этакое сверхъестественное, из ряда вон, ни в какие ворота не лезущее, против всех правил происходящее — но, тем не менее, некая разница между чудом и абсурдом, нелепостью, в сознании людей все-таки есть. Это, прежде всего, потому, что у чуда существуют, как и у всего на свете, свои законы.

Главный из них такой: чудо происходит всегда для человека. Человек непременно бывает участником чуда, хотя бы просто в качестве зрителя.

Божье чудо отличается еще и тем, что оно — не фокус, эффектно поставленный, чтобы просто поразить воображение зрителя. Божье чудо — всегда направлено на то, чтоб причинить человеку какую-то человеческую пользу, оно призвано что-то в человеке изменить: пробудить веру, укрепить надежду, напомнить о любви, подсказать что-то жизненно важное.

Чудом Бог хочет привлечь к себе человека, Свое любимое, блудное, страдающее дитя. В воле человека остается, принять ли чудо как явление Божье в своей жизни,

впустить ли его в свое сердце, ум, веру, дать ли ему в чем-то изменить себя — или, как вы говорите, посмеяться и отвергнуть...

В этом смысле — чуда как чего-то, свершенного Богом лично для человека — настоящие чудеса внешне часто бывают невзрачны, незаметны для других, то, что явилось убедительным чудом для одного, для других может быть только поводом недоуменно пожать плечами.

И небольшие события бывают чудесами для нас. Как говорят святые: неверующего хоть с ног до головы обложи чудесами — он и не почешется, а для верующего солнце утром встало — и это чудо... Совпадения и случайности в моей обыденной жизни, приведшие к важным результатам: пониманию того, что Бог бережет нас как детей Своих, обретению веры, перемене мировоззрения, восстановлению любви, примирению со старым врагом, встрече с утерянным другом — для меня явное чудо, но такое, которым особо и не похващаешься.

Помню, я служил панихиду в сороковой день на могиле друга — и внутри себя говорил Богу: «Правда же, у него все будет хорошо, Ты же примешь его с миром?» И когда на деревянный крест из туч упал луч солнца, и в этот луч

села синичка, и так сидела до конца панихиды — и мне, и присутствующим без слов стало ясно: это чудо Божьего утверждения и утешения, посланное специально для нас.

Помню рассказ пожилого человека: горели дачи вокруг Минусинска, он бежал сквозь лес, и от дыма ему стало плохо с сердцем. Он упал под сосну, кое-как набрал номер жены в мобильнике, и, хотя связь нещадно барахлила, она ответила. Он сказал: «Мне худо с сердцем, давай прощаться...», а та сказала: «Я тебе покажу прощаться! А ну вставай и пошел!...». И он встал, откуда-то взялось немного сил, и шел сквозь дым с голосом жены в ухе, и таки вышел. И понял: это было чудо, сотворенное Богом с помощью жены и с помощью любви.

Помню еще, как-то на Новый год у одной нашей прихожанки дома замироточили иконки, обычные бумажные. Конечно, все побежали смотреть на чудо, торжественно принесли иконки в собор — а они в соборе вдруг мироточить перестали... Когда об этом сказали архиерею, он ответил: «Не надо было нести их в собор, напоказ. Это было чудо, данное только для этой семьи, и они одни знают, зачем именно...».

Одно такое чудо вы, Валерий, только что описали: крестное знамение помогло завести машину, и это произошло для того, чтобы спустя время вы вспомнили этот случай, свой тогдашний смех — и задумались всерьез о природе чуда и, что важнее, о природе себя самого...

Чудеса Божьи (вспомним евангельские описания того, что делал Христос) — не нарушение законов природы, это проявление законов, но других: невидимых подслеповатому глазу падшего человека законов Царства Божьего. Эти законы — любви, милосердия, благой иерархичности творения, жизни вечной — противоположны механизмам насилия и распада, которые мы знаем как законы, пронизавшие мир сей подобно метастазам, и исследованиями которых порой так опрометчиво гордится наука...

Чудеса Божьи направлены на то, чтобы потрясенный чудом человек увидел невидимое сквозь морок и пелену обыденности, узнал бы эти законы Царства, а через них — и Самого Законодателя, чтобы смог найти в это Царство дорогу и восстановить отношения в любви с Богом, ближними, самим собой.

По страницам сайта «Православие и мир»

ВЕСТНИЧЕК

Грибы

Жене и Павлику приехала из города двоюродная сестра Инночка.

— Ну, дети, — сказала мама, — нечего вам без дела сидеть. Идите в лес за грибами. Посмотрим, кто из вас лучше грибы собирает.

— Я лучше всех собираю, — сказал Павлик.

— Нет, я лучше, — сказала Женья.

А Инночка промолчала. Она вообще любила помалкивать.

Побежали дети в лес и разошлись в разные стороны.

Через час возвращаются.

— Я лучше всех собрал! — кричит Павлик издали. — У меня больше всех грибов, глядите: полное ведро!

Посмотрела мама и улыбнулась:

— Неудивительно, что у тебя полное ведро: ни одного хорошего гриба. Одни только поганки да собачьи грибы. Неважно ты собираешь грибы, друг мой Павлик.

— Ага! — кричит Женья. — Я же говорила, что я лучше всех собираю! Глядите: у меня самые большие и самые красивые грибы-красные в белый горошек. Ни у кого нет таких красивых грибов.

Посмотрела мама и засмеялась:

— Глупенькая, это же мухоморы. Они хоть и красивые, да никуда не годятся.

Ими отравиться можно.

В общем, ты тоже плохо собираешь грибы, Женечка.

А Инночка стоит в сторонке и помалкивает.

— А ты, Инночка, что же молчишь? Показывай, что насобидала.

— У меня совсем мало, — говорит Инночка застенчиво.

Заглянула мама в Инночкин кузовок, а там десять превосходных грибов. Две прехорошенькие сыроежки, похожие на розовые цветочки; две лисички в желтых китайских шапочках; два двоюродных братца-подосиновик и подберёзовик; груздь, рыжик, волнушка. Да большой, крепкий, пузатый боровик в бархатном берете.

А сверх того ещё целое гнездо опят-удалых ребят.

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ДУХОВНЫЕ НЕДУГИ

ПРОТОИЕРЕЙ
АЛЕКСЕЙ УМИНСКИЙС ЛЮБИМЫМИ
НЕ РАЗВОДИТЕСЬ

О разводе говорить всегда тяжело. Особенно тяжело, когда этот развод случается в христианских семьях. Россия занимает первое место в мире по разводам. Это опубликованная статистика. Это не удивительно, потому что первое, что советская власть сделала, — стала разрушать семью. Стало возможно регистрировать или не регистрировать браки. В любой момент в 20-30-ые годы можно было пойти и, даже не поставив в известность свою жену или своего мужа, развестись с ним в ближайшем ЖЭКе, как это описано в некоторых рассказах Зоценко.

ЗАЧЕМ БРАК?

К сегодняшнему дню мы пришли к такому состоянию, что люди приходят к браку, совершенно не понимая, что это такое и зачем они вообще соединяются в браке. И то это хорошо, когда они все-таки приходят к браку, потому что желание какой-то стабильности и какой-то ответственности людей подвигает к тому, чтобы они свой брак хотя бы регистрировали. Ну, а если они хотят повенчать свой брак, это кажется для нас таким замечательным явлением, что мы (люди, служащие в Церкви) готовы этот брак сразу с удовольствием повенчать, даже не спросив, верят ли вообще эти люди в Бога, читали ли они когда-нибудь Евангелие, исповедовались ли они и причащались?

Для сегодняшнего человека, в отличие от человека прошлого времени, когда вступление в брак было новым этапом его жизни в обществе и вообще новым осмыслением своей собственной жизни, просто жизнь менялась кардинальным образом, человек вступал в брак как в некий новый период своей жизни, сегодня брак ровно ничего не значит, для человека, вступающего в него.

Например, сегодня, вступая в брак, человек совершенно не думает о том, как он будет обеспечивать свою семью. Очень часто многие браки — молодые браки — совершаются с полной уверенностью, что родители должны будут эту молодую пару содержать, снимать для них квартиру или

предоставлять для них жилплощадь и, пока у них веселая молодая жизнь, всячески их снабжать деньгами. Жизнь продолжается, и когда нужно уже что-то делать самим, оказывается, что сами никто ничего делать не умеют, не хотят и совершенно к этому не готовы. Им проще разойтись, потому как и детей, скорее всего, в таком браке не бывает.

ЛЮБОВЬ
ТРЕБУЕТ ОТВЕТА

Брак и любовь требуют от человека очень большой ответственности. Любовь требует ответа. А мы сегодня привыкли смотреть на мир и на любовь так, что любовь не требует ответа, а любовь — это то, чем я привык пользоваться, любовь — это то, что доставляет удовольствие, любовь — это примерно то, что я могу заказать в ресторане. Потому что у нас, к сожалению, в русском языке слово «любовь» относится к человеку, к животному, к мебели, к природе и к пище.

Поэтому, когда человек говорит «я люблю», он в это слово может вкладывать тот же смысл, который вкладывает, когда говорит, что «я люблю макароны». Так чаще всего и бывает. Человек относится к другому в этой жизни как к некому прекрасному блюду, которое вызывает у него эмоции, аппетит, слюну. И он хочет это блюдо употребить, этим блюдом напиться. И когда тарелка становится пустой, ему больше ничего не надо.

Так же люди относятся и друг

к другу, они готовы друг друга все время потреблять, готовы друг друга «иметь». Это такой глагол, который сейчас очень употребим, когда люди говорят о любви: «Я хочу кого-то иметь». То есть я хочу этим человеком воспользоваться, я хочу этого человека употребить, я хочу от этого человека получить максимум того, что этот человек способен дать. Но это же не значит, что я готов так же, в равной степени отдавать себя другому.

Человек смотрит на другого и говорит: «Какой же прекрасный человек, какой он удивительный, какой красивый, симпатичный, образованный, легкий, богатый... как можно много от него получить, как многим можно в нем воспользоваться». И человек начинает пользоваться молодостью, красотой, обаянием, всем, что дает молодость, что дает человеческая красота, человеческая симпатичность, прекрасный человеческий потенциал, который в каждом из нас заложен, и этим пользоваться, где-то больше, где-то меньше.

Но когда-то это кончается — в жажду стакан очень быстро выпивается. Человеческая жажда стаканом утоляется, а потом оказывается, что на дне ничего нет, а жажда осталась. Человеку дальше хочется что-то есть, напиться этой красотой, этим богатством человеческой природы. Этот стакан уже выпит, значит, надо искать что-то другое, чтобы можно было пить дальше, потреблять.

Так расходятся люди, так кон-

чается любовь, так завершаются семейные отношения, потому что причина только в этом, ни в чем другом. Слово «любить» для многих — значит, любить человека так, как мы любим макароны. К величайшему сожалению, это относится и к нам, христианам. И когда церковные браки распадаются, это так горько и так страшно, потому что брак по своей природе не может быть расторгнут. Потому что когда Господь говорит о том, что из двух делает одно, творит одно («И будут два едина плоть» (Быт. 2 гл.), «что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6)), Он говорит о самом главном — о таинственной природе человеческих отношений. О таинственной природе, а не о секретной, потому что она непознаваема до конца.

Такая огромная природы любви, что ее человек познать не может, поэтому она таинственная. Природа любви такова, что ее нельзя расторгнуть, как нельзя человека разлучить от любви Божьей. Об этом Апостол Павел тоже говорит замечательно: «Что отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или опасность, или меч?...» (Рим. 8. 35-37). Что может человека по-настоящему отлучить от любви Божьей? Ничто не может человека отлучить от любви Божьей! Это природа любви, она не может быть разделена. До готовности отдать жизнь

БРАК И РАЗВОД

Если человек говорит кому-то «я люблю» или думает о том, что он кого-то любит, он, прежде всего, для себя должен быть твердо уверен в том, что он готов за этого человека жизнь отдать. По-настоящему отдать свою жизнь. Это не значит — пойти на смерть за него, это не значит отрубить себе руку или глаз выколоть. Не об этом идет речь. Это полностью открыть свое сердце и свою жизнь для другого человека, то есть полностью впустить человека в свою жизнь. Чтобы в тебе самом ничего уже не осталось, потому что ты полностью свою жизнь отдаешь другому человеку. Отдать свою жизнь для него, за него, открыть всю свою душу нараспашку для другого и его в себя ввести. Как такую любовь можно разрушить? Да никак.

Такую любовь приобрести очень тяжело. Такая любовь не дается человеку сразу, когда человек влюблен или когда человек только-только начинает свои отношения, даже семейные

отношения. Мы не можем говорить о такой любви, что она есть некая данность, некое начало, как о том, что есть, а потом кончается. Нет, это то, что только начинается, а потом продолжается, потом рождается, потому что настоящая любовь рождается в браке через десятилетия этого брака. Не на первый год, не на второй, когда деревянная, желез-

их уже не бывает по отдельности. Их по отдельности просто нет. И даже если они разлучены какими-то обстоятельствами, скорбными, и живут уже в разных концах планеты.

ЛЮБОВЬ НЕЛЬЗЯ РАСТОРГНУТЬ

А знаю такую семью, где муж находится много лет в заключении (почти десять, и столько же почти еще светит), а любовь к жене и жены к мужу от этого не пострадала. Они все равно очень любят друг друга. Видятся на свиданиях, а любовь все равно больше. Тюремные стены для такой любви ничего не значат. Хотя они страдают, конечно, переживают, мучаются, но сама по себе любовь не становится меньше почему-то. Потому что есть такая таинственная природа любви, когда она сильнее, чем тюремные стены, или, как сказал премудрый Соломон, «сильна как смерть любовь» (Песня Песней). И тогда смысла нет говорить о том, что брак может быть расторгнут.

Не может быть любовь расторгнута. Любовь может быть убита, любовь может быть разрушена, любовь может быть растоптана человеческим эгоизмом, желанием все себе подчинить, желанием все для себя сделать.

И здесь что христианский брак, что брак людей неверующих рушится по одной и той же причине. И никакое таинство венчания само по себе никакой брак никогда не спасало. Никакое таинство венчания само по себе как действие, как некая потусторонняя сила ничего не могла прибавить тем, кто живет иными законами бытия, не законами Евангелия.

Если человек живет законами евангельскими, если человек понимает, что такое любовь, чудо любви Божьей и благодати, которое подается венчанием, этот брак преобразует. Удивительным образом преобразует.

Не зря же во время венчания читается Евангелие, когда Христос пришел на брак в Кану Галилейскую. Конечно, в этом Евангелии мы видим то, что Христос благословляет брак своим пришествием. Но ведь таинственным образом это Евангелие рассказывает о самой природе брака, о самой сущности любви, о том, как обычная человеческая природа может быть преобразована любовью и стать чем-то совершенно удивительным. На этом браке не хватает вина, как у всех у нас в

КАКИЕ РОДИТЕЛИ, ТАКИЕ И ДЕТИ

Один из институтов США изучил родословную 5 поколений людей на протяжении 150 лет.

Макс Джукс был атеистом и жил 150 лет назад. Он женился на аморальной женщине. К настоящему времени у них 1260 потомков, из которых:

- 310 умерли в бедности,
- 150 были преступники,
- 7 оказались убийцами,
- 100 — пьяницы,
- больше половины женщин стали проститутками.

Другой человек, Джонатан Эдвардс, проповедник, философ, женился на благочестивой девушке. У них 1394 потомка, среди них:

- 13 президентов колледжей,
- 65 профессоров в учебных заведениях,
- 3 сенатора,
- 30 судей,
- 100 адвокатов,
- 60 врачей,
- 60 писателей,
- 1 вице-президент США,
- 80 стали государственными служащими
- 295 — губернаторами.

Так по-разному сложились судьбы 5 поколений людей.

Родитель умножает себя в своих потомках. Эта информация — прекрасный повод задуматься, а какое потомство оставите после себя вы?

sedmitza.ru

ная, мармеладная свадьба, а когда по-настоящему люди так сумели прожить вместе, так сумели друг друга слышать, слушать, слушаться, так сумели друг друга прощать и так сумели друг друга поддерживать, друг друга принять, что

жизни чего-то не хватает важного. Кончается. Человеческие ресурсы тоже кончаются. И человеческая эмоциональность конечна, и человеческий ум не бесконечен, и терпение человека имеет предел. И вот на этом браке кончается то, что на брачном пиру за столом является главным — вино, которое веселит сердце человека, потому что люди пришли на этот брак веселиться, радоваться. И когда на свадьбе нет вина, ну что это? Стыд и позор.

И Христос претворяет воду в вино. Простое, безвкусное, без запаха, без цвета вещество (H₂O) претворяет в вино.

Так случается с нашей любовью, с нашими отношениями. Они у нас простые, естественные человеческие потребности: быть любимым, с кем-то делить свою жизнь, свой кров, свою постель, быть согретым кем-то. Совершенно нормальные естественные человеческие желания. Они такие же простые, как и вода. Но именно поэтому они и конечны. Они в конечном итоге и безвкусные, без запаха и без цвета.

И дальше идти некуда, если просто не тянуть свою лямку и не думать о том, что надо детей воспитывать и вообще вместе легче копать огород, что для многих браков является самым большим скрепляющим моментом — огород, куда надо выезжать и сеять вместе картошку. Если б не картошка, то этих браков бы не было.

А Христос показывает, что любовь может быть другой, что эту любовь можно преобразить в такое удивительное вещество. Как отличается вино от воды, так отличаются простые естественные человеческие отношения от той любви, которую человек приобретает в браке, потому что она по природе уже иная. Она уже совсем другое. И если такое с человеком не случится, если любовь не преобразится, то брак может сохранить только огород или совесть человека по отношению к детям, хотя брака уже не будет, он будет разрушен. Не будет брака, потому что не будет любви.

Но мы еще знаем одну вещь: что вино становится для нас веществом Евхаристии, что даже это вино тоже может быть преобразено в кровь Христову, в состав Христовой любви, в ту кровь, которую Он по любви за нас пролил на кресте. Вот до каких удивительных высот может достигнуть человеческая любовь!

Именно поэтому христианский брак не может быть расторгнут. Потому что если любовь лежит в основе брака, то никакая сила не может расторгнуть этот брак, не может победить любовь, если она настоящая. А если этого нет, то уже ничто не поможет, потому что если сам человек не трудится над своей любовью, если человек постоянно себя к этому труду не привлекает, сам себя человек никогда не распинает в этой любви, в супружеской любви, брачной любви, то тогда ничего не получится.

ПОДКЛАДЫВАТЬ ДРОВА В ОГОНЬ

Для того, чтобы горел огонь в очаге, надо подкладывать туда дрова. Это все понимают, иначе костер потухнет. Чтобы хотя бы маленький огонечек любви польхал в твоём сердце, обязательно надо что-то делать. Чтобы этот огонь горел, нужно вещество, которое бы горело — это наша жертва, жертвенность. Нет другого способа сохранить любовь, как постоянно себя для другого открывать, открывать, открывать, себя в этом ставить на второй план, любимого на первый план. И все. А иначе все будет разводиться, и никакая церковь, никакие обряды и таинства не спасут семью, если в ней этого нет.

Когда говорят: по каким причинам можно разводиться? «По жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так» (Мф. 19:8) По жестокосердию можно писать разводное письмо, потому что вы не любите, для вас брак не есть любовь. Цель и природа брака всегда одна

и та же. В Ветхом завете были иные. Брак христианский отличается от ветхозаветного брака. Это сейчас почему-то звучат голоса, которые говорят о том, что цель брака — деторождение. Цель брака — не деторождение. Деторождение — это природа брака, это его естественное продолжение. Но это не цель. Люди не за этим вступают в брак. Брак в исламе имеет целью продолжение рода, потому что там не стоит цель о большой любви между мужем и женой. Может быть, она появляется в этих семьях,

но изначально человек выбирает себе жену, не видя ее лица и даже ничего о ней не зная. Трудно себе представить, что можно говорить о любви. Так же было и в Ветхом завете.

А христианский брак — это все-таки союз любви. Целью христианского брака является сама любовь. Это ее воплощение, осуществление, это та самая задача, которую поставил Христос на браке в Кане Галилейской — делать из воды вино. Для каждого из нас цель брака — претворить воду в вино. Вот это цель. И поэтому мы называем христианскую семью малой церковью. Почему? Да потому что если есть там любовь, то никакие врата ада ее не одолеют. Ведь сказано, что «Церковь врата ада не одолеют» (Мф. 16. 18). Это же сказано и о семье, если это семья, в которой залог любви. Ад не может победить любовь. Поэтому семья — единственная родительница любви. Настоящей любви. Не любви к макаронам, а той любви, которая делает из двоих одно.

trinity-church.ru

Лето в православном лагере

Этим летом был традиционно организован летний отдых для детей в православном лагере во имя святителя Макария Алтайского. Дети отдыхали в две смены: на первой смене — мальчики, во второй — девочки. В общей сложности в лагере отдохнуло более 60 человек. Причем, дети приезжали не только из Барнаула, Новоалтайска, несколько ребят отдыхали, приехав из детского дома с. Михайловка, расположенного в 400 км от краевого центра. Некоторые девочки приехали и вовсе издалека — воспитанницы детского приюта при Серафимо-Покровском монастыре г. Ленинск-Кузнецка Кемеровской области,

Базой для православного лагеря был выбран Иоанно-Кронштадтский монастырь в селе Кислуха. Дети проживали в новом корпусе со всеми удобствами. Программа отдыха была очень насыщенной. Каждое утро мы с удовольствием делали зарядку, купались в р. Кислушке, а девочки сходили в однодневный поход.

Не только девочки, но и мальчики с большим интересом принимали участие в различных конкурсах: рисунков, поделок, талантов.

Дети соборно молились по утрам и вечерам, по очереди читая молитвенное правило. Для некоторых это был первый опыт молитвы. Чтение Евангелия после молитв настраивало на добрые дела в течение дня.

После завтрака, дети принимали активное участие в уходе за огородом, помогая монастырю.

Любимым видом отдыха для мальчиков стали спортивные игры, особенно в футбол, а для девочек — рукоделие, мастер-классы, которые проводили не только воспитатели, но и сами дети.

Воспитатели и дети жили одной большой дружной семьей. Бывали случаи и непослушания, и нежелания нести послушания на огороде, но эти моменты быстро разрешались, и зачастую сами дети «воспитывали» друг друга примером, добрым словом. Хотелось бы пожелать, чтобы родители больше внимания уделяли воспитательным беседам с детьми на темы уважения друг к другу, взрослым, приучения к труду, недопустимости лжи.

Традиционными вечерними мероприятиями были костры и чаепития, на которых пели песни под гитару, жарили хлеб, сосиски и просто общались друг с другом.

В день окончания смен многие плакали и не хотели расставаться, высказывали пожелания встретиться друг с другом и воспитателями в следующем году в православном лагере.

С. Потанина

